

Евгений Сухов
**ЛИТЕРНЫЙ
ПОЕЗД
ГЕНЕРАЛИССИМУСА**

*Москва
2017*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Литерный поезд генералиссимуса / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2017. — 384 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-699-94365-4

Фашистской разведке становится известно, что в ближайшие дни Сталин посетит Западный фронт. Информация абсолютно достоверная, и операцию по уничтожению генералиссимуса под личный контроль берет фюрер. Вражеская диверсионная группа предателя Свиридова десантируется в расположение советских войск. Диверсанты уже знают, на каком именно поезде поедет Сталин. Кажется, фашистские прихвостни продумали все. Но одного они не учли: СМЕРШ давно идет по их следам и просчитывает каждый их шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94365-4

© Сухов Е., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2017

ГЛАВА 1

*29 июля. Ближняя дача.
Важное задание*

Сталин открыл дверь и вышел на террасу. Воздух был плотным, душным. Вокруг ночь, ни огонька. Впереди плотной стеной стояли деревья. Где-то в отдалении глухо зарычала собака, потом умолкла. Докурив трубку, Иосиф Виссарионович вернулся в кабинет, подошел к карте, висевшей на стене с отмеченными на ней позициями Красной армии и вермахта, и вернулся за письменный стол. Перевернул исписанный лист блокнота и уже на чистой странице, взяв красный хорошо заточенный карандаш, написал в самой середине крупными буквами: «Операция «Суворов». Затем поднял телефонную трубку и сказал:

— Пригласите ко мне немедленно товарища Серова.

* * *

Телефонный аппарат ВЧ-связи, прозвеневший в комнатной тиши, показался невероятно громким, бестактным. Было три часа ночи. Заместитель народного комиссара внутренних дел, комиссар государственной безопасности второго ранга Серов Иван Александрович, будто бы предчувствуя ночной разговор, еще не спал, работал в кабинете и намеревался выпить крепко заваренного чая. Подняв трубку телефона, произнес бодрым голосом:

— Серов слушает.

— Иван Александрович, — услышал он мягкий и слегка глуховатый голос секретаря Сталина Поскребышева, — вы не могли бы подъехать сейчас на Ближнюю дачу к товарищу Сталину для серьезного разговора?

Иван Александрович, невольно сглотнув, оценил такт всесильного секретаря. Словосочетание «не могли бы» звучало всего лишь некой связкой в предложении, но в действительности смысл их был таков: «Даже если ты сейчас в постели и намеревался остаток ночи провести в блаженстве, все откладывается! Хватай руки в ноги и езжай немедленно в Кунцево под ясные очи товарища Сталина. У него к тебе имеется очень важное дело».

Особую нагрузку усиливал конец фразы: «для серьезного разговора», столь значимые слова произносились Поскребышевым крайне редко.

— Выезжаю немедленно, Александр Николаевич, — столь же энергично отозвался комиссар государственной безопасности второго ранга и положил трубку.

Телефонный рычаг зловеще дзинькнул, сна как и не бывало. Не притронувшись к заваренному чаю, Иван Александрович подхватил с вешалки фуражку и заторопился к двери.

— Ваня, ты куда? — встревоженно спросила жена.

— К Сталину.

Не дожидаясь ответа, Серов повернул в двери ключ и быстрым шагом вышел на лестницу.

* * *

Ближняя дача Сталина располагалась в десяти минутах езды от Кремля, практически сразу же за Поклонной горой. Спрятанная в чаще и огороженная глухим высоким зеленым забором, она была практически невидима со стороны. Человек, который в ней проживал, вел уеди-

ненную жизнь, пребывая в основном дома, лишь иной раз выходил, прогуливался по двору, терпеливо кивая на приветствие охраны.

Вокруг дачи было выставлено три кольца охранения, миновать которые было невозможно. На дорогах стояли заградительные посты, где тщательно, невзирая на высокие чины, проверялись документы. А в чаще располагались «секреты», контролируя каждый куст.

Прежде чем Серов добрался до дачи, документы у него проверили трижды: первый раз, когда он въехал в лес, где, собственно, и начиналась запретная зона; второй раз — в смешанном лесу, где-то посередине чащи (у полосатого длинного шлагбаума стояла группа автоматчиков в форме НКВД); третий раз проверка произошла непосредственно перед самым въездом на территорию. Последний контроль был особенно тщательным, где начальник КПП, молодой угрюмый подполковник, тщательно изучил его удостоверение, как если бы впервые видел Серова. В служебном рвении он даже потребовал опустить стекло и, тщательно осмотрев салон и не обнаружив ничего настораживающего, коротко распорядился:

— Открывайте ворота!

Въехав на территорию, Серов оставил машину у самого входа под присмотром охраняющих, а сам скорым шагом направился в дом.

До рассвета было еще далековато. Темнота плотно лежала в густом лесу, делая его еще более мрачным. Из окон первого этажа тускло просачивался свет, бросая неровные расплывчатые трапеции на скошенную пожелтевшую траву, густо пробивающуюся из-под земли.

На западной террасе дачи мелькнула чья-то тень и тотчас пропала в ночи. Это вполне мог быть Сталин, любивший выходить на нее, чтобы выкурить трубку.

Иван Александрович прошел в дом, где у кабинета Сталина, склонившись над аккуратно разложенными бумагами, сидел его секретарь Поскребышев. В его внешности не было ничего примечательного, что свидетельствовало бы о величии: был он маленького росточка, с тщательно бритой головой, заметно рыхловат. У всякого, кто его видел впервые, невольно закрадывалась мысль: что его может связывать с таким человеком, как Иосиф Виссарионович Сталин? Но простоватая внешность Александра Николаевича была обманчива, человеком он был незаурядным, — рядом со Сталиным Поскребышев находился двадцать лет, был его правой рукой. Многие распоряжения, приказы, директивы, резолюции вещались голосом этого уже немолодого и на вид невзрачного человека. Александр Николаевич обладал невероятно цепкой памятью и, не заглядывая в бумаги, помнил приказы и распоряжения пятилетней давности. Знал по имени и отчеству тысячи людей, с которыми его всего лишь однажды свел случай. Даже Сталин, обладая поистине редкой памятью, перепроверял ее у Поскребышева. Александр Николаевич наизусть помнил номера протоколов, состав участников заседаний и еще много важного и нужного, без чего не может состояться секретарь главы государства. Там, где требовался штаб из тридцати сотрудников, он справлялся один. И оставалось лишь только удивляться его невероятному трудолюбию и выносливости.

Поскребышев даже старался копировать интонацию Хозяина, по которой всегда можно было догадаться о настроении Иосифа Виссарионовича. И вот сейчас, затаив дыхание, Серов терпеливо ждал, когда наконец секретарь оторвет взгляд от разложенных на столе бумаг и выскажет распоряжение Сталина. В этом и заключалось величие маленького человека — поторопить его не ос-

меливались даже члены Политбюро, и оставалось лишь терпеливо дожидаться, когда он вспомнит о подошедшем просителе.

Поскребышев аккуратно воткнул ручку в чернильницу-непроливайку, узкой ладонью отодвинул от края стола сползающие бумаги и посмотрел на Серова, присевшего в ожидании на стул подле большого фикуса.

— Проходите, Иван Александрович, товарищ Сталин ждет вас. — И, отвечая на немой вопрос Серова, продолжил чуть тише, как если бы опасался чужих ушей: — Перед вами был товарищ Жданов, у Иосифа Виссарионовича хорошее настроение.

Серов благодарно кивнул и, немного успокоенный, постучался негромко в дверь Верховного. После разрешения распахнул дверь и вошел в кабинет, больше напоминающий зал, в центре которого стоял круглый стол, укрытый зеленой скатертью, с придвинутыми вплотную стульями; вдоль стен расставлены диваны и кресла. На полу огромный, выполненный на заказ, толстый красный ковер ручной работы. Поговаривали, что обивку для стен утверждал сам Сталин, выходит, у него времени хватало и на это.

Остановившись у дверей, Иван Александрович терпеливо дожидался разрешения пройти вовнутрь кабинета, стараясь угадать по лицу Верховного, какая именно оказия заставила Сталина вызвать его среди ночи на Ближнюю дачу. Но Сталин выглядел безмятежным, собственно, как и всегда, даже слегка флегматичным.

Вопреки ожиданию, в комнате никого не было, что указывало на то, что разговор будет конфиденциальным. После мягкого рукопожатия Сталин произнес:

— Садитесь, товарищ Серов. — Иосиф Виссарионович вернулся на место, за небольшой стол, укрытый зеленым сукном.

Иван Александрович присел напротив.

— Как добрались, товарищ Серов?

— Спасибо, товарищ Сталин, добрался хорошо. В городе все спокойно.

— Вы быстро доехали.

— После вашего звонка я сразу же пошел к машине.

Она стояла у подъезда.

— Вы не спали?

— Нет... Было много работы.

Иосиф Сталин понимающе кивнул, давая понять, что время для праздных вопросов истекло, после чего спросил:

— Вы знаете, какая сейчас обстановка вокруг Смоленска?

— Так точно, товарищ Сталин. По нашим разведанным, немецкое командование в районе Смоленска и Рославля создает мощную группировку войск в составе третьей, частично второй и четвертой танковых армий, входящих в группировку «Центр». Общая численность группировки насчитывает около девятисот тысяч человек, — четко докладывал Серов. — Поддержку соединениям осуществляет шестой воздушный флот. В его составе около семисот самолетов. Руководит группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Вальтер Морель. На этом направлении, по данным нашей разведки, готовится серьезное наступление, товарищ Сталин. О своих наблюдениях, дислокациях противника, о прибывающих к линии фронта военных подразделениях мы регулярно докладываем в Генеральный штаб.

— Все так, — легко согласился Иосиф Виссарионович, — немцы хотят взять реванш за свое поражение в Сталинградской битве. Совсем недавно они пробовали осуществить наступление на юго-восточном направлении, но у них ничего не получилось: наши полководцы

оказались искуснее, а советские войска — сильнее. Немецкая наступательная операция обернулась для них поражением, и вот сейчас подошло самое подходящее время, чтобы развить успех.

Комиссар государственной безопасности второго ранга никак не мог сообразить, с какой именно целью Сталин решил поговорить с ним об оперативной военной обстановке. Для этой цели вполне подошел бы маршал Жуков или генерал-полковник Рокоссовский — оба великолепные стратеги, а его дело — государственная безопасность. Но слушал внимательно, ожидая ответа, и он последовал:

— Вы согласны со мной, товарищ Серов?

— Так точно, товарищ Сталин.

— А что вы сами об этом думаете, товарищ Серов?

— Неделю назад из Смоленска в распоряжение армии генерал-майора Поленова пришел немецкий перебежчик, фельдшер... он рассказал, что немцы планируют дальнейшее наступление.

Сталин утвердительно кивнул:

— Я знаком с этим материалом. Этому направлению боевых действий Ставка придает большое значение, а поэтому я должен лично выехать на место и увидеть, что там происходит на самом деле. Что вы скажете, если я вам дам поручение подготовить спецпоезд и в дальнейшем сопровождать меня на Западный фронт и Калининский?

— С радостью выполню ваше поручение, товарищ Сталин, — охотно откликнулся комиссар государственной безопасности второго ранга Серов. — Товарищ Сталин, можно задать вам вопрос?

— Задавайте.

— Почему вы не хотите поручить ваше сопровождение товарищу Власику? Ведь он руководит вашей личной охраной.

— Из соображений конспирации... О моем отъезде на фронт будут знать всего лишь несколько человек, для всех остальных я по-прежнему остаюсь в Москве. Ведь все привыкли к тому, что где Власик, там и товарищ Сталин. — По губам Верховного скользнула мягкая улыбка.

Комиссар Серов невольно напрягся, распрямившись чуток. На плечи ложилась большая ответственность. Серову было известно, что товарищ Сталин редко выезжал на фронт, сам он мог припомнить лишь только два таких эпизода, не задокументированных кинохроникой, имелись фотографии, хотя в действительности их могло быть больше. Три таких снимка имелись в его собственном архиве. Причем сфотографировал товарища Сталина Власик, являвшийся и его личным фотографом.

Первая фотография была датирована июлем сорок первого года, когда Иосиф Виссарионович выдвинулся по Михайловскому шоссе, где переночевал в небольшой деревенской избе. На снимке был запечатлен бронированный «Паккард» Верховного. Рядом стоял товарищ Берия и отдавал какие-то распоряжения двум подошедшим офицерам. Снимок всецело передавал обстановку на фронте: лица офицеров напряжены, озабочены, в глазах усталость. На второй фотографии был отмечен эпизод выезда Сталина на левый берег реки Угры в район Юхнова. Иосиф Виссарионович стоял в сопровождении немногочисленной охраны и командующих. А вот на третьей фотографии он рассматривал карту районных военных действий. Было видно, что разговор случился где-то в тенистом дворике. В небольшом отдалении стояла полуторка, в кузове которой сидели три красноармейца и два офицера из охраны Сталина.

Иван Серов подавленно молчал, не смея поделиться обременительными сомнениями: «Нужно ли ехать Вер-

ховному главнокомандующему в штабы фронтов по дорогам, разбитым разрывами снарядов, развороченным гусеницами танков, где в прифронтовых советских тылах продолжают оставаться недобитые элементы и шастают диверсанты. К чему подвергать себя смертельной опасности?»

Но Серову было известно, что Сталин тщательно продумывал каждое свое решение, значит, в рискованной поездке существовал некий глубинный смысл, о котором он даже не подозревал.

— Теперь мне все ясно, товарищ Сталин. А знает ли о предстоящей поездке товарищ Берия?

— У товарища Берия сейчас очень много работы, я бы не хотел его отвлекать. Думаю, что с этим заданием вы справитесь без его содействия... А о своем решении я ему скажу... за день до отъезда. И еще вот что, состав должен быть старый, неприметный. Такой, на котором я разъезжал в Гражданскую близ Царицына. К роскоши я не привык, — улыбнулся Сталин. — Как-нибудь доберусь и на старом. Главное, чтобы ехал. Даю вам два дня на подготовку.

— Разрешите исполнять, товарищ Сталин?

— Идите, — сказал Сталин, подняв со стола курительную трубку.

ГЛАВА 2

31 июля.

Руки в гору!

Планер, преодолев на большой высоте линию фронта, пошел на снижение. Через иллюминатор Михаил Свиридов видел, как в стороне, в нескольких километрах от предполагаемого места высадки, вспыхнул костер, ярко осветив вспаханное поле, и тотчас погас. Дважды куда-то

в темноту шарахнули зенитки, блеснув огнем, а затем на землю вновь навалился тяжелый мрак.

— Пора, — сказал механик, посмотрев на парашютистов, и распахнул дверцу планера. В просторный салон тотчас ворвался поток холодного воздуха. — На выход!

Свиридов поднялся со скамьи и подошел к самому краю. Земли не видать, одна лишь беспросветная темень, которая не имела ни начала ни конца. Оттолкнувшись, он упал в свободное падение, почувствовав, как сильный ветер треплет его кожу, раздирает лицо. Дернув за кольцо, услышал, как с сильным хлопком раскрылся парашют, невольно ощутив рывок. Некоторое время Михаил Свиридов просто наслаждался полетом, потом поле, казавшееся всего-то небольшим пятнышком, стало стремительно приближаться. На краю пашни стоял какой-то длинный барак, невольно приковавший внимание. Михаил Свиридов совершал уже двадцать седьмой прыжок, но всякий раз опасался смотреть вниз, полагая, что расшибется. Согнув ноги, он ощутил несильный удар и завалился в высокую колючую траву. Увидел, как в черноте неба раскрылись еще четыре парашюта и, подхваченные ветром, были тотчас отнесены в лес. Придется достаточно порыскать, чтобы собрать всю группу. Отцепив стропы, Свиридов собрал парашют и припрятал его под кусты, старательно забросав травой.

Осмотрелся, как будто бы никого. В десяти километрах раскинулось село Покровское, где размещался штаб Тридцатой армии. Осталось только разыскать остальных и вместе двигаться дальше. Если не произойдет ничего непредвиденного, то к вечеру подойдут на место и будут готовы к выполнению поставленной задачи.

Стараясь не ступать на взрыхленную землю, Свиридов вышел на проселочную дорогу и заторопился в направлении предполагаемого приземления группы. Некоторое

время он шел вдоль оврага, поросшего густым орешником, а потом завернул в лес. По его предположению, парашютисты должны были двинуться ему навстречу, однако его всюду окружала тишина. На душе сделалось тревожно. Уже минут сорок он бродил, продираясь через густые заросли, но все безрезультатно. Похоже, что группу разбросало в разные стороны на приличное расстояние, чего нередко случается при десантировании, и собраться вместе будет сложно.

Вышел на поляну, выглядевшую посредине густого леса всего лишь светлой проплешиной, и тотчас боковым зрением уловил с правой стороны от себя какое-то неясное движение. Точнее, это была тень, выпрыгнувшая из леса. Рука, приученная к рефлексам, тотчас легла на кобуру, но в следующую секунду Михаил Свиридов услышал негромкий голос:

— Товарищ старший лейтенант.

Повернувшись, Свиридов увидел радиста Ерофеева.

— Ты неожиданно появился, — с некоторым облегчением проговорил Свиридов. — Я бы мог тебя пристрелить... товарищ младший сержант.

Свиридов сам подбирал людей на предстоящее задание, а потому ознакомился с делом каждого. Из личного дела Ерофеева следовало, что его настоящая фамилия Храпов. Звали Алексеем. В плен он попал в феврале сорок второго года. Три месяца содержался в лагере для военнопленных в Сувалках, где изъявил желание сотрудничать с абвером. Впоследствии его перевели в разведшколу, в живописное местечко близ Бреславля. Разведшкола, размещавшаяся в старинном замке, была на особом счету и готовила диверсантов и радистов для прифронтовых районов и глубокого тыла Советского Союза. А потому каждый третий из агентов проходил тщательную проверку. Руководящий и преподаватель-